Арсентий Дмитриевич Терентьев

Стихи

Ложатся строчки ровные в тетрадь…
Пусть сотни раз
Снега сойдут со склонов,
Всё так же сердце
Будет замирать
При этой цифре – 20 миллионов.

Стихи о войне

НАШЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Настал рассвет, и мать уже хлопочет,
Дымится печка, пахнет кизяком,
Тихонько чайник ласково бормочет.
От двери сильно тянет холодком.

В избе прохладно, окна льдом покрыты,
Поверху льда снежок пушок лежит.
И мы лежим, до глаз тряпьем укрыты,
Метель за стенкой воет и визжит.

Горит коптилка, свет едва разносит,
И копоть мягко лижет потолок.
Ребристый кот поесть, мяуча, просит,
Паук добычу в угол поволок.

Холодный пол и очень стынут ноги,
Скорей, скорей обуться, что во что,
Блестит, сверкает иней на дороге,
Скорей надвинуть шапку и пальто.

К окну подходим, дуем, лижем долго –
Во льду проделать маленький глазок.
Едва видны сквозь мглу дома, дорога,
По ней соломы движется возок.

Скребут под полом мыши беспрестанно,
Сверчок за печкой песенку поет,
А мы все ждем и ждем тот миг желанный,
Когда нас мать на завтрак позовет.

Чугун ведерный тыквы нам напарит,
Эх, как вкусна была она тогда!
Горшок побольше щей пустых наварит –
Такая вот простецкая еда.

Нас дразнит запах сваренной картошки,
Она спасала крепко нас в войну.
Съедаем все до самой малой крошки,
Ах, вот бы съесть, хотя б еще одну!

Но мать давала строго по расчету –
До новой долго, очень долго ждать.
А есть всегда, всегда было охота,
Вот был бы хлеб, а где его достать?

Все шло на фронт, а нам давали малость,
Тогда дробили в ступах то зерно,
Толкли пестом. Какая была радость –
Ведь мы не ели хлеба так давно!

Желанным летом нам сытней бывало,
Ходили в степь, ловили грызунов.
А речка тоже выжить помогала,
На речке Ток удачлив был улов.

Пораньше встанем, стайкой соберемся –
И в дальний путь идем на рыбный Ток,
Пешком до места только доберемся,
Когда заря обнимет весь восток.

Сушняк потолще быстро набираем –
И вот готов уже большой костер.
Печем картошку, слюнкой истекаем,
Ведем пустяшный тихий разговор.

Спускалось солнце ближе к горизонту,
Уже сентябрь, и в школу нам опять.
Ребятам многим нет приветов с фронта –
Приветов тех уж некому прислать.

Не всем таким учеба поддается,
Забита горькой думой голова:
Отец домой уже не возвернется,
Пусты для них учителя слова.

Работать стали, бросили учиться,
Кормили скот – коров, овец, свиней.
Зачем напрасно в школу волочиться?
Помочь уж лучше матери своей.

Мороз, пурга, метели не страшили,
Хотя одежда старенькой была.
Попасть на фермы вовремя спешили,
Где всех работа нужная ждала.

Никак подростки взрослым не хотели
Хотя бы в чем немного уступать,
И голод так же стойко все терпели,
Хотелось, правда, чуть побольше спать.

Наступит лето – сено согребали,
А кто корма на скотный двор возил,
Хлеба косить на жнейках помогали,
По силам каждый пользу приносил.

Зимою тем, кто школу не бросали,
Легко ли было в классе усидеть:
Фуфайки, шапки, шали не спасали –
Кизяк успел давно уж прогореть.

Угар и дым. Глаза слезятся, кашель.
Чернила – лед, их надо согревать.
И очень плохо пальцы гнутся наши,
Когда начнем писать и рисовать.

Никак конца уроков не дождемся,
Когда звонок там медный прозвенит?
Сидим, молчим, от холода сожмемся,
А тут живот от голода урчит.

Учебных книг и топлива нехватка,
Тетрадей нет – везде одна беда,
И даже в перьях не было достатка,
Чернила были – сажа и вода.

Великий день! Наш славный День Победы!
Забыть ли нам, покуда будем жить,
Забыть ли все те горести и беды,
Которые пришлось нам пережить?

БОЙЦУ ТРУДОВОГО ФРОНТА

Ушли на фронт и муж и сыновья,
Жена осталась с малой детворой,
Распалась враз единая семья
Ужасной той июньскою порой.

Запасов пищи в доме никаких,
Кормильца нет, а надо дальше жить,
Оставив дома всех детей одних,
На скотный двор пошла коров доить.

Стучит о пену струйкой молоко,
Болят в суставах руки – хоть бросать,
А мысли витают далеко –
О них, родных, ушедших воевать.

Давно уж нет в деревне мужиков,
Корма на ферму надо подвозить.
Что толку здесь от пары стариков?
А надо корм по стойлам разносить.

И все вручную, женскою рукой –
Почистить стойло, всех коров поить.
Живет она неблизко, за рекой,
А надо в срок скотину накормить.

Мороз, буран ли – едет за село,
Соломы воз на сани наложить.
Дорогу густо снегом замело,
А надо корм тот в тамбуре сложить.

Еще темно, а женщина спешит
Еду сготовить детям на весь день.
Дела мужские каждый день вершит,
Устало ходит, бледная как тень.

Но прежде чем на скотный двор уйти,
Свою коровку надо ей убрать.
Свети, коптилка, ярче посвети –
Ведь надо бы и завтрак ей собрать.

Так каждый день в проклятую войну –
Короткий сон – и впроголодь всегда.
Она не видела ни лето, ни весну
В потоке каждодневного труда.

Восславим, внуки, правнуки, её,
Ту женщину годов сороковых!
Мужские силы были у нее
В условиях суровых, боевых.

Восславим мать упорного бойца,
Что фронт кормила, да и всю страну,
В тылу сменила мужа и отца, –
Она несла победу в ту войну!

А ПРАВДА ВСЁ-ТАКИ ОДНА
(поэма о войне)

Те годы вечность поглотила,
А мне теперь под шестьдесят,
Но память цепко ухватила,
Что было столько лет назад.

Мои ровесники не скажут,
Что я солгал хоть в чём – не будь,
Скорей всего не смог я даже
Полправды прошлого черпнуть.

Так ярко помню день прощанья:
Гармони, песни, плач и стон,
Наказы, просьбы, обещанья
И крик детей со всех сторон.

Война огнём размежевала
Печаль от радости людской.
И ею щедро наделяла
Своей безжалостной рукой.

Она и нам не поскупилась
Наполнить юные сердца.
К печали детство притупилось
И не рассталось до конца.

В тылы к фашистам не ходили,
Стрелять врагов не довелось,
Но тоже много пережили,
Что после столько не пришлось.

«Поесть бы в вволю хоть разочек,
Как ели раньше, до войны!» –
Мечтали днём, а то и ночью,
Когда не брали голод сны.

Но мы не ныли, а терпели.
Куда деваться? Нет – терпи!
Картошку, свеклу, тыкву ели
И зелень всякую в степи.

Не ныли, нет! Мы больше злились.
Нам мало лет. И сил чуть-чуть,
Но мы так дружно все просились
Помочь в работе чем-нибудь!

Зимой в кошары приходили,
А кто в конюшню заходил.
Кормили, чистили, поили
По мере наших малых сил.

Потом коптилку зажигали,
Завесив льдистое окно,
И танки фрицев поджигали,
И самолеты заодно.

Тот пулеметчик разудалый,
А тот уж снайпер удалой,
Пока коптилка затухала,
Тогда с победой шли домой.

Зима. Под старые пальтишки
Вползал хозяином мороз,
Но мы, худющие парнишки,
Не замечали стылых слез.

И тут терпели! Что же делать?
На что и где чего купить?
А выход есть – побольше бегать
Прорехи лучше починить.

Ровесник близкий и далекий,
Хватил ты горюшка сполна.
Луной бледнели твои щеки,
Да что поделаешь? Война!

Не то, что нынче, помидором
Краснеют лица у ребят,
Глаза полны таким задором,
Что будто звездочки горят.

Летят на лыжах, словно птицы,
Коньками чешут стадион,
В бассейнах могут порезвиться.
И каждый сыт, здоров, силен.

А мы дощечки отстругаем –
И вот уж лыжи и коньки,
Успешно ими ковыряем
На снежном насте бугорки,

К концу войны – подростки стали,
Вполне сошли за мужиков.
И мамы слезы собирали
В конце затасканных платков.

Теперь мы сами запрягали
В подводы тощеньких быков.
На них возили и пахали,
Сменяя слабых стариков.

И станет так обидно очень,
Когда услышишь и не раз
От пожилых ведь, между прочим,
Что очень трудно, мол, сейчас.

А рядом с ними помоложе,
В браслетах, серьгах и часах,
Кто кофе пьет, в постели лежа,
Ругая жизнь на всех басах.

Что жизнь сложна, дороговата,
Все магазины обойдешь,
Хотя товаров густовато,
А вот что надо – не найдешь.

Так привередливо копают –
И все не это, все не то.
У заграницы покупают
Ботинки, джинсы и пальто.

Конечно, есть товары хуже,
Но все, же есть они у нас,
А провести бы их по лужам,
В лаптях дырявых, да не раз.

И босиком ходить заставить,
С весны до самой до зимы,
Без хлеба ситного оставить,
Как не видали его мы.

И не такие уж плохие
У нас в стране товары все ж.
Ведь разговоры, как стихия,
Мешают в кучу правду, ложь.

А, правда, в том – не голодаем,
В домах холодных не сидим,
Газеты с книгами читаем
И фильмы вечером глядим.

И в том она! Смотри получше!
Идет по улице народ:
Одежда, обувь – не из худших
Хоть на работу он идет.

Не нюхал кто плохой житухи,
Не шел под ручку с нищетой,
Вот тот сподобился старухе
Из сказки пушкинской одной.

Давай, давай! Все лучше, больше!
Быстрей, скорее подавай!
И оттого на сердце горше
Понять не хочет – только дай.

Ему давай, а он в сторонку
С улыбкой едкой: «Ну-ка, ну!»
Вдруг перестройке – похоронка,
А вдруг она пойдет ко дну?

А почему? Да сыт по горло!
Стоит машина в гараже.
Чулок от денежек расперло,
Теперь в другой суёт уже.

А мы – и взрослые, и дети
Тогда желали одного:
Скорей бы мир на белом свете,
Тогда хватило бы всего.

Одежды, хлеба, керосина,
Ботинок, лыж, тетрадей, книг,
Не надо яблок, апельсинов
И разносолов никаких.

К воде и хлебу не взываю,
Но разве, бедно на столах?
Таких семей пока не знаю
Во всех известных мне домах.

Вот это правда. Ложь такая:
«Дожили! Нету ничего!»
Со злостью кто-то изрекает.
Живот горой у самого.

Когда-то мы в поля ходили,
Да собирали колоски,
Сейчас об этом позабыли,
Теперь нам это не с руки.

Теперь рукой с перстнями тычет:
«Вчерашний хлеб-то, жестковат!».
Стоит вот так, брюзжит и хнычет,
К тому ж вопит: «Дороговат!».

С каким, я помню, наслажденьем
Глодали жмых, когда он был,
И каждый думал с сожаленьем:
Зачем так быстро проглотил.

Ровесник мой! Далекий, близкий,
Не знавший пряников, конфет,
В глаза не видевший ириски
За много дней военных лет

Со мной согласен. Верю в это.
Другие пусть хоть как брюзжат,
Была бы только лишь планета
Тиха для нынешних ребят.

Никто б не мерз в холодном классе,
От дыма в нем не угорал.
И чтоб отец у Коли, Васи
От ран в бою не умирал.

Никто б не слышал плач надрывный
В великом горе матерей,
Не слышал горький, заунывный
И плач, им вторящих, детей.

Откуда сердцу быть здоровым,
Оно давно надорвалось,
Когда почти под каждым кровом
Большое горе улеглось.

С тех пор лежит. Уже не остро
Его осколки сердце рвут,
Лишь грусть с тоской – родные сестры,
О тех утратах знать дают.

И только это. Все другое
Уже в историю ушло.
Осталось вечно дорогое,
Что в нас с рождением вошло.

Прекрасна жизнь. И нам, ребятам
Тех самых лет, сороковых,
Бояться ль ям и перекатов,
Невзгод, но временных, земных.

Боятся те, кто жил в достатке,
Всю жизнь не знавшие нужды.
И то, что чай не очень сладкий
Уже доводят до беды.

Ах, мыла нет! И порошочка,
Баранок мало, монпасье.
И вот на жизнь за строчкой строчку
Заводят черное досье.

Уж скоро будет полстолетья
Как мы, ребята из войны,
Вот эти все десятилетья
Опорой были для страны.

Конечно, тех не очень много,
Но деготь в меде ни к чему.
Не заступить уже дорогу
Всей перестройке никому.

Не хныкать, в чем-то сомневаться
И каши манной с неба ждать,
Поверив в дело – смело браться
За перестройку воевать.

Вот это честно будет – взяться!
Зачем же хаять и скулить,
Зачем словами прикрываться,
Зачем кого-то, в чем винить?

Средь нас живут, растут ребята,
Смышленый маленький народ.
Кто раньше, позже, но когда-то
На смену старшему придёт.

Они нас видят, слышат всюду,
Что мы даем – они берут.
Какие мы – такие будут,
Такими в жизнь свою войдут.

И вот теперь на переломе
В пути своем родной страны,
Должны быть, в общем, нашем доме
Все верой, твердостью полны.

ПАМЯТЬ ЖИВА

И снова май. И день Победы.
Несут цветы, несут венки,
И вновь к нему идут и едут
И молодёжь, и старики.

Стоит он памятник погибшим
Солдатам в грозной той волне,
Свободу, жизнь нам подарившим,
И независимость стране.

К нему идут, чтоб поклониться,
Со всеми вместе погрустить.
И те, кто в будущем родиться,
Все также будут приходить.

В России нашей необъятной
Повсюду памятник стоит,
Минутой каждой невозвратной
О мире помнить нам велит.

Врага любого ждёт расплата,
Россия всем не по плечу.
И всем, презревшим эту дату,
Зажжём посмертную свечу

НА ГРУДИ ЗАСИЯЛА ЗВЕЗДА

Герою Советского Союза Мартынову
Николаю Михайловичу посвящается

Из семьи крестьянской вышел
Этот рослый богатырь,
Роста среднего повыше
И в плечах – степная ширь.

Он любил работать в поле,
Крепко в руки дело брать.
Для него нет лучшей доли –
Хлеб растить и убирать.

Враг жестокий и коварный
Рвался вглубь родной страны.
Он оставил труд ударный,
Окунулся в жар войны.

Бронебойщик – грозный воин,
Вот он танк к траншее мчит,
Зоркий взгляд, вниманье вдвое,
Меткий выстрел – танк горит.

Но никто судьбы не знает –
Стал разведчиком солдат,
Вдруг к комбату вызывают:
Собери своих ребят!

- Есть! – сказал сержант Мартынов, –
- Всех разведчиков позвать! –
Ловко руку к шапке вскинул –
И скорей к бойцам бежать!

Шли бои под Сталинградом,
Сзади Волга – мать-река,
Враг почти что с нею рядом.
- Надо взять вам "языка"!

Ночью в тыл врага пробрались,
Взят "язык". Теперь назад.
Вдруг фашисты заметались –
Обнаружили солдат.

Но фашисты просчитались
В быстром том ночном бою,
Они битыми остались,
Потерявши прыть свою.

Ранен был сержант Мартынов.
Твердо глядя им в глаза,
Он, бойцов своих покинув, –
Я вернусь еще, – сказал.

И вернулся. Шел с боями
Все на запад он теперь
То болотами, лесами...
Огрызался битый зверь.

Впереди Днепро могучий,
Впереди – Днепровский вал.
Правый берег – выше, круче –
На пути бойцов лежал.

Батальону надо с ходу
Взять плацдарм и закрепить.
Нет в низовье этом брода,
Надо реку переплыть.

Первой в путь пошла разведка,
И Мартынов вместе с ней.
Плот связали прочно, крепко,
Ну, вперед давай, смелей!

Бомбы, пули и снаряды,
Визг и грохот над рекой,
Но уж берег правый рядом,
До него подать рукой.

Переправились удачно,
Завязался встречный бой,
Пулеметы густо, смачно
Состязались меж собой.

Батальон прикрыт надежно,
Неудач не может быть,
Под огнем, но все ж возможно
Переправу совершить.

Раздолбали вал хваленый,
В ямах, рытвинах лежит,
Схваткой жаркой опаленный,
Наш сержант вперед спешит.

Там близка уже граница,
Дальше – логово врага,
На него скорей стремится
Встать солдатская нога.

Он дошел до Златой Праги,
Там и дал последний бой.
Пали все паучьи стяги,
Возвратился он домой.

На груди его сияет
Теплым солнышком Звезда.
Кто Мартынова не знает?
Он в сердцах людей всегда.

НЕ ЖДАЛ ПОВЕСТКИ ПАРЕНЁК

Защитнику Ленинграда, жителю с. Озерки
Николаю Егоровичу Иванову посвящается

Не ждал повестки паренёк,
Совсем еще безусый,
Ушел на фронт, хотя не срок,
Мальчишка с чубом русым.

Рукой еще и не мужской,
Он цепко взял винтовку,
За огневой Невой-рекой
Добыл в боях сноровку.

Ходил в атаки на "Ура!"
С геройским кличем нашим,
Еще мальчишечка вчера,
Теперь – солдат бесстрашный.

Сумел зажать липучий страх
В осколочных метелях.
И падал, падал лютый враг,
Явившись на прицеле.

Он холод, голод перенес,
Блокаду разрывая,
И вот бежал фашистский пес,
В бессилье злобно лая.

Стоял геройский Ленинград,
Солдату помогая,
И верил: выстоит солдат,
Победу добывая.

И внуки, глядючи на шрам:
- А что, дедуля, это?
- Не знать бы, детки, это вам,
- Зачем, откуда мета.

Я счастлив, внуки, что живой,
Лишь кровушкой умыло,
А в Ленинграде, за Невой,
Могилы и могилы.

Но знает дед, в былом солдат:
Сказать-то все же надо,
Пусть дети верно, свято чтят
Не вышедших из ада.

Из ада давней той войны
За Родину, свободу,
За независимость страны
Великого народа.

ОТ ДОБРИНКИ ДО БЕРЛИНА

Ветерану Великой Отечественной войны
Тарлавину Ивану Васильевичу посвящается

Напал и терзает безжалостный враг.
И Родина – мать позвала: «Защити!
Сорви, растопчи опаученный флаг
И встань у него на разбитом пути!»

Котомку собрал немудрую свою,
Пристроил ее на широких плечах,
Пошел он туда, где осколки поют,
Где зверствует, грабит, насилует враг.

Простился, проведав своих земляков,
Простился, шагая, с Биккулом – рекой.
Пахучие зерна тугих колосков
Он нежно ласкал затвердевшей рукой.

С ним рядом шагали родные гурьбой,
О чем-то твердили ему без конца
И плакали, пели они вперебой,
Тревожа свои и соседей сердца.

Всего-то ему восемнадцать годков,
От детства недавно совсем отошел.
Война позвала, и приказ был таков,
И в огненный смерч, как мужчина вошел.

Под Брянском, Смоленском и Минском громил,
Под Харьковом, Киевом он воевал,
Под Люблином, Лодзью, Варшавою был,
До Шпрее дошел и Берлин штурмовал.

А сколько речушек и рек пересек
Под вражьим стальным смертоносным огнем.
До смерти всего был один волосок
В те долгие годы и ночью и днем.

Земли – не учесть за войну ископал,
В дожди и метели, в морозы, в буран
А сколько ее животом пропахал,
Зубами скрепя, то тревожащих ран.

Немало товарищей он схоронил
На этом тяжелом и страшном пути.
А сам он контуженный взрывами был
И пулю с осколком сумел найти.

Он был до призыва умелый кузнец,
Но молот, сменен на дружка – автомат.
С победой вернулся зимой наконец,
Отмеченный рядом достойных наград.

В наградах ли дело? Конечно же, нет!
Сражался отважно он, как только мог.
Спроси-ка его – и получишь ответ,
Что свято он выполнил воинский долг.

Забыть ли всемирный победный салют,
Планета горела, сверкала огнем.
И ныне, где тех победителей чтут,
Греметь продолжает торжественный гром.

И в этом салюте частичка всего:
Заслуг и здоровья, и сил молодых.
Поздравим, друзья, мы с Победой его,
Помянем погибших друзей боевых.

У ВОЛЖСКОЙ ТВЕРДЫНИ

Много их, солдат, отцов и братьев.
Много их, сынов и дочерей.
Кто погиб в жестокой, лютой жатве
Не увидев вновь родных дверей

Вой снарядов, стрекот пулеметов.
Взрывы мин и бешеных гранат.
В смертный бой идут полки и роты
Сквозь кромешный и кровавый вал.

В мире всем известен этот город,
Он в сердцах навечно – Сталинград,
Здесь сломала зубы волчья свора.
Злобный свой разбег взяла назад.

Взять реванш фашисты здесь пытались
За разгром их армий под Москвой.
Но опять бесславно просчитались.
Оказались в петле огневой.

В снежный вихрь, январские метели
Был добит жестокий, сильный враг.
Шел он в плен, шагая еле-еле,
Бросив в снег паучий грязный стяг.

Враг не взял приволжскую твердыню
Дух и волю, он не смог сломить
Сталинградец славен и поныне,
О нем память будет вечно жить!

ГЛЯДЯТ СОЛДАТЫ НАМ В ГЛАЗА

Идем в музей и там нас встретят
Десятки умных, ясных глаз.
Привет! - сказать бы. Не ответят,
Людей тех нет сейчас средь нас.

Они ушли в сороковые,
В начале тех сороковых,
Когда напали силы злые,
Чтоб защитить страну от них.

Орда фашистов очумело
Рвалась со злобой на восток,
Сломать советы захотела
Да и споткнулась о порог.

Они в семнадцать, восемнадцать
С отцами вместе дали бой.
Стал «Барбаросса» рассыпаться
И сразу ж дал он в битве сбой.

Лишь с трехлинейкой и гранатой,
Да с верой крепкою одной
Как нелегко пришлось ребятам
Стоять в те дни за край родной!

Так мало было самолетов,
И танков мало, и «Катюш».
Там от полка осталась рота,
Но не сдаются сын и муж.

Но все ж пора пришла, настала,
Когда советский наш солдат
Зверье фашистское погнал он
С боями тяжкими назад.

Дошел, дополз он до Берлина,
Взмыл над рейхстагом алый стяг!
Какой же путь прошел ты длинный,
Пока разбил фашистов в прах!

И вот стоим у стенда павших,
Глядят солдаты нам в глаза.
И дрогнет тяжко сердце наше,
Прольется горькая слеза.

Нет, не забудем их повсюду,
Огнями память их горит.
Солдаты с нами. Были. Будут.
Никто из них не позабыт!

ФРОНТОВАЯ КАРТА СОЛДАТА

Подросший внук спросил у деда:
- В каких боях, сраженьях был?
Вернулся ты домой с победой,
Наград немало заслужил.

- Вот видишь шрам? В Смоленске было.
Там шел упорный, тяжкий бой.
Друзей моих тогда погибло,
Один остался я живой

Тогда вначале отступали,
Враг рвался бешено к Москве.
Под Вязьмой мы им крепко дали –
С тех пор вот шрам на голове.

И вот она – краса-столица,
Фашист считал: еще разок!
Но рано было веселиться:
Посмертный дали им урок.

Декабрь. Метель. Мороз и вьюга.
А мы – вперед пошли, вперед.
Фашистам было очень туго –
Воспрял душою весь народ.

Впервые враг разбит, отброшен
На сотни верст. Пришла пора:
Пришел незван – уйди непрошен
С чужого доброго двора.

Был взят Можайск. Меня свалило
Ударной бомбовой волной,
Отшибло память, оглушило,
Лежал в палате как хмельной.

Потерян слух и речь невнятна –
Таким три месяца лежал.
Едва поправясь, я, понятно,
Тайком к бойцам своим сбежал.

Вот видишь вмятины? То пули
Меня куснули на Днепре,
Тогда Днепровский вал смахнули –
Остались метки на бедре.

Потом, почти что у границы,
За Львовом шли уже бои,
Пришлось мне там остановиться,
Бои закончились мои.

Стальной осколок срезал руку,
Закончил я солдатский путь...
Вздохнул, сказал сурово внуку:
- И ты бойцом надежным будь!

Никто из нас войны не хочет,
Но все, возможно, может быть.
И нынче кто-то зубы точит,
Успел о Нюрнберге забыть.

Но если так, то будь готовым
За честь России постоять, –
Прибавил твердо и сурово:
- Ей верным сыном должен стать!

Солдат России всем надежен,
Такой на свете – он один.
Похож на всех, он так же сложен,
Но вот что знай – непобедим!

ЛЕЙТЕНАНТ МЕДСЛУЖБЫ

Ветерану Великой Отечественной войны
Тарлавину Александру Васильевичу посвящается

Кто не знает фельдшера работу?
Он готов лечить любую хворь,
Он проявит ласку и заботу,
Только ты лечить себя позволь.

Вот таким попал на фронт Тарлавин,
На погоне – звездочка одна,
Не стремился к почести и славе
И познал все горести до дна.

Слыл он смелым, храбрым офицером,
Помогал всем раненым в бою,
Лейтенант бесстрашен был без меры,
Часто был у смерти на краю.

Танк подбит. За ним второй и третий,
Он дополз до каждого из них,
И отдал бы все на белом свете,
Но не бросить раненых одних.

Сделал всем привычно перевязки,
Каждого отправил в медсанбат,
Вынес всех из жуткой смертной пляски,
Где осколки стаями визжат.

Разрывались рядом бомбы, мины,
И летали пули, как шмели,
И ревели грозные машины,
Что для смерти лишь изобрели.

Что-то нет повозки очень долго,
Тот танкист горел в крутом огне,
Лейтенант не думал слишком много
И понес солдата на спине.

Километра три до медсанбата.
Лишь разочек он передохнул. –
Вот, примите поскорей солдата, –
Тяжело, прерывисто вздохнул.

Много жизней спас в войну Тарлавин,
Много раз достойно награжден.
Не стремился он к почету, к славе,
Выполнял свой долг", - сказал бы он.

Он идет в медпункт опять привычно –
Лейтенант медслужбы боевой.
Знает всех сельчан своих отлично,
И для всех он близкий и родной.

ТЫ ПОМНИШЬ СОЛДАТ?

Кашкарову Василию Яковлевичу посвящается

В серой воинской шинели
И в фуражке со звездой,
Мы восторженно глядели.
Военрук. И молодой.

Бравый, статный, чернобровый
Не давал в строю скучать.
Он настойчиво, сурово
Стал парнишек обучать.

То налево, то направо,
То на месте – шагом марш!
Но напрасно. Боже правый!
Получался ералаш.

Кто налево повернется,
Кто направо повернет.
Военрук лишь усмехнется:
Неуклюжей вы народ.

Отдает опять приказы,
Может, в сотый уже раз.
А потом уж как-то сразу...
Получилось все у нас.

Четко, верно, без ошибки
Повернемся и замрем,
Даже парень самый хлипкий
Точно выполнит прием.

Бег, прыжки, ходьба на лыжах,
Снова бег, ходьба, прыжки.
Пот соленый спину лижет
И в ушах звенят звонки.

Если кто и ошибется –
Сам покажет: вот, смотри.
Чуть заметно усмехнется:
Ну-ка, парень, повтори!

Военрук не ставил в угол,
Не сердился, не ругал,
Поднимался лишь упруго
И раздумчиво шагал.

Да смотрел суровым взглядом,
В нем не зло, один укор.
Провалиться были рады,
Помню это до сих пор.

Всем нам нравились уроки,
Еще больше военрук.
В этом, видимо, истоки,
Что он стал товарищ, друг.

Стали силой наливаться
Мышцы наших ног и рук,
Стала легкость развиваться –
Рад, доволен военрук.

Год за годом в дальность мчался,
Пролетело пятьдесят.
Но в сердцах живым остался
Военрук, былой солдат.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ МАЙ

Все как всегда, из года в год,
Закон природы в мире вечен:
Опять весна - и май придет,
И будет нами снова встречен.

Осталось мало тех бойцов,
Кто защищал края родные,
Глядим с любовью им в лицо,
Поклоны им кладем земные.

И в этот май, победный май,
Наград увидим разноцветье,
Поближе, рядышком вставай,
Понять награды, чтобы эти.

Осталось мало их, солдат,
Кто вермахт бил, разбил фашистский,
Все меньше их в рядах стоят,
Пройдя по жизни путь неблизкий.

Удача их не обошла –
В боях со счастьем породнились,
Их смерть искала – не нашла,
Домой с победой возвратились.

Победный май! Великий праздник!
Возносим славу всем живущим!
Но позабудет кто-то разве,
Кто не вернулся к семьям ждущим?

Они в строю, по алфавиту,
Все в Книге Памяти народа,
Не могут, те бойцы забыты,
Кто жизнь отдал за жизнь, свободу.